

И. А. Исаев

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

• ПРОСПЕКТ •

Игорь Исаев

**Правовая культура
России. Учебное пособие**

«Проспект»

Исаев И. А.

Правовая культура России. Учебное пособие / И. А. Исаев —
«Прспект»,

ISBN 978-5-39-200744-8

В данном учебном пособии дается обобщенный анализ и оценка историко-правового материала, правовых актов, концепций, юридических фактов и т. п., которые в своей совокупности составляют предмет изучения отечественной правовой культуры. В рамках курса проанализированы основные ценности и нормы правовой культуры в ее развитии и сопоставлении с основными характеристиками других правовых культур. Для студентов юридических вузов, обучающихся по магистерским программам, но может быть использовано как дополнительный материал для студентов, впервые изучающих такие предметы, как история государства и права России и история правовых и политических учений.

ISBN 978-5-39-200744-8

© Исаев И. А.

© Прспект

Содержание

От автора	6
1. Господство обычая (Древняя Русь X–XIV вв.)	7
2. Право национальной монархии (XV–XVII вв.)	12
3. Абсолютизм: регламентация и кодификация (XVIII в.)	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Игорь Андреевич Исаев
Правовая культура России
Учебное пособие

[битая ссылка] ebooks@prospekt.org

От автора

Изучение специального курса «Правовая культура России (основные исторические этапы)» предполагает предварительное знакомство студента с базовым курсом по истории государства и права России. В нем даются обобщенные анализ и оценка историко-правового материала, правовых актов, концепций, юридических фактов и т. п., которые в своей совокупности как раз и составляют предмет для изучения отечественной правовой культуры.

Правовая культура представляет собой соединение духовных (символических) компонентов – ценностей, идей, верований и т. п. – с определенными институтами и нормами, поэтому ее изучение предполагает комплексный подход, охватывающий самые разные аспекты политической и правовой реальности. В рамках курса анализируются основные ценности и нормы правовой культуры в ее развитии и сопоставлении с основными характеристиками других правовых культур. Курс рассчитан на студентов юридических вузов, обучающихся по магистерским программам, но может быть использован и как дополнительный материал для студентов, впервые изучающих такие предметы, как история государства и права России и история правовых и политических учений.

1. Господство обычая (Древняя Русь X–XIV вв.)

Обычай – один из важнейших элементов правовой культуры и важнейший источник древнего права. В обычае выражается дух национальной культуры, ее традиции и особенности. Другими словами, обычай и есть самовыражение национальной правовой культуры.

Как правило, обычай связан с устной народной культурой и правовые обычаи, отображающие правила социального поведения, содержащие в себе нормы такого поведения, всегда передавались в форме устной традиции. Обычай, зафиксированный в письменной форме, как более позднее явление древней культуры уже с большей точностью доводился до своего адресата и, кроме того, учитывая особую значимость писанных текстов в те времена, обладал неким сакральным, священным характером. С появлением государства и публичной власти фиксированный обычай превращается в общеобязательную норму, т. е. получает государственную санкцию. Это есть момент рождения правового обычая.

Обычай теснейшим образом связан с такими ритуалами, как жертвоприношение и ордалии («суд божий»). Жертвоприношение ставило целью обеспечить поддержку высших сил человеческому сообществу (социуму, общине) и снять с него ответственность за некоторые негативные, запретные и предосудительные действия. Ордалии, также рассчитанные на справедливую оценку человеческих споров свыше, составляли важную часть судебного процесса. В целом же все внимание древнего законодателя было обращено на форму осуществления такого процесса (в значительной мере представляющего собой набор ритуальных процедур), поиск правды при разрешении спора. Элементы уголовного права были неразрывно связаны с процессом, даже выносимые по суду санкции могли рассматриваться как завершающая часть судебного спора.

В системе доказательств наряду с ордалиями важную роль играли свидетельские показания и поручительство. Эта последняя форма выделялась из показаний послухов, т. е. рекомендательных, поручителей, не являвшихся по сути свидетелями происшедшего, однако принимавших на себя часть ответственности за совершенное. Элементы круговой поруки проявлялись здесь со всей очевидностью, как, например, и в институте «дикий веры», когда ответственность за правонарушение отдельного члена общины возлагалась на общину в целом (с учетом определенных обстоятельств). Формализм судебных процедур по Русской Правде объяснялся, прежде всего, сильным влиянием обычая и традиционного мышления.

13. Если кто опознает у кого-либо свою пропавшую вещь, то нельзя отобрать ее, и не говори «это мое», но скажи ему итак: «Пойди на свод, укажи, где ты взял». Если тот не пойдет, пусть представит поручителя в том, что явится на свод не позднее 5 дней. <...>

15. Если господин узнает своего пропавшего челяди, да и захочет его отнять, то вести его к тому, у кого он был куплен, а тот пусть ведет к предыдущему продавцу, и когда дойдут до третьего, то скажи ему: отдай мне своего челядина, а ты ищи своих денег при свидетеле.

Русская Правда

В древнеславянском и древнерусском праве правовой обычай появляется в период формирования государственности и представляет собой результат сложного синтеза племенных обычаев и традиций. Правовая культура этого архаического периода включала в себя такие обычаи и символические ритуалы, как процедура жертвоприношения, кровная месть, запрет инцеста, круговая порука и т. д. С формированием древнерусского (Киевского) государства эти формы подвергаются определенной систематизации и унификации – с этого момента можно

говорить о зарождении начал юридической техники как одного из способов формирования права и правовой культуры более высокого порядка.

Первые письменные следы, указывающие на наличие и своеобразие древнерусской правовой культуры, можно обнаружить в памятниках права, имеющих скорее международно-правовой, чем национальный характер, а именно в договорах Руси с Византией X в.

Характерно, что собственно русский правовой обычай обозначен в этих документах как «закон русский». Сложная и имеющая глубокую традицию римско-христианская правовая культура, которой располагала византийская сторона, довольно решительно отделяет себя от еще языческой «варварской» культуры русов. Составители текстов отсылают к обычаям и традициям народа, которые не только имеют свою специфику, но уже зафиксированы в «законе русском», этой писаной (источники до нас не дошли) или устной правовой традиции. Военные и политические успехи русских заставляли греков с уважением относиться и к их правовым обычаям.

Огромное, можно сказать определяющее, влияние на развитие русской правовой культуры оказало принятие Русью в 988 г. православного христианства. Христианская монотеистическая традиция способствовала укреплению государственной идеи и включению Древней Руси в сообщество христианских европейских государств. Однако, пожалуй, наиболее важным последствием этого акта оказалась идейная, культурная и государственно-политическая преемственность молодого русского государства и древней империи, имеющей глубокие культурно-правовые традиции.

Византийское (римское) право проникает на территорию Руси прежде всего в форме церковного (канонического) или церковно-государственного кодифицированного законодательства византийских императоров и кодифицированных постановлений церковных соборов. В XI–XII вв. на Руси появляется свод законов патриарха Иоанна Схоластика (источник права в VI веке) и Номоканон патриарха Фотия (IX век), которые в новых условиях приобрели форму и название Кормчей книги. Позже путем компилирования многочисленных источников церковного права была создана новая Кормчая книга митрополита Кирилла II, в которую вошли отрывки из Эклоги (свода гражданского и семейного права VIII в.) и Прохерона (свода, созданного на материалах кодификации Юстиниана), интерпретированных применительно к русским условиям.

Первым трактатом, в котором разбираются теологические и правовые концепции византийской политической и правовой культуры, которые автор сопоставляет с исконно русской национальной и духовной традицией, стало «Слово о законе и благодати» первого русского (по национальности) митрополита Иллариона (середина XI в.). Само понятие «закон» здесь связано, прежде всего, с религиозными основаниями и происхождением и несет в себе этическое содержание.

Как отошел свет от луны, когда солнце воссияло,

Так и Закон – перед Благодатью явившейся.

И стужа ночная побеждена,

Солнечная теплота землю согрела И уже не теснится человечество в Законе,

А в Благодати свободно ходят.

Ибо иудеи при свече Закона себя утверждали,

Христиане же при благодетельном солнце свое спасение зиждут;

Ибо иудеи тенью и Законом утверждали себя, а не спасались,

Христиане же истиной и Благодатью не утверждают себя, а спасаются.

Митрополит Илларион

На пути проникновения в русскую правовую культуру теолого-церковных принципов византийского права стояли древние традиции и обычаи. Подобно тому, как распространение христианства постоянно наталкивалось на очаги языческой культуры и верований, так и византийское (римское в своих основах) право наталкивалось на достаточно устойчивые культурно-правовые традиции Руси.

Государственное строительство и управление базировались на двух основных правовых источниках – обычае и судебной практике князей. Как первый, так и второй комплекс правовых норм, несомненно, подвергались заметному влиянию византийского права, по сути же оставаясь в рамках так называемого варварского права, т. е. местной национальной правовой культуры. Собственно церковное право было выделено в особую систему посредством утверждения князьями (Владимиром, а затем Ярославом в XI в.) специальных церковных уставов, содержащих в себе, наряду с церковными нормами, нормы уголовного и гражданского права, действующих в круге церковной юрисдикции. В эту сферу входили как правонарушения, связанные со специфически церковными отношениями и объектами (преступления против нравственности и веры, ереси, церковная кража и т. д.), так и все виды преступлений, совершаемых лицами, входившими в среду церковного управления (духовные лица, церковные люди).

Первой государственной кодификацией права стала Русская Правда (XI в.), в нормах которой особенно заметным оставалось влияние обычая и судебной практики. (В. О. Ключевский, правда, полагал, что она также представляла собой дополнение к системе церковного права, Кормчей книге, а ее текст сформировался не в сфере княжеского, а церковного судопроизводства.)

Русская Правда стала первым опытом государственной (княжеской) кодификации права, продемонстрировав довольно значительный уровень развития юридической техники. В ней уже имеет место достаточно четкая систематизация норм (особенно в областях уголовного и процессуального права), выделяются такие моменты, как субъективная сторона преступления, стадии совершения преступления, квалифицирующие признаки (смягчающие и отягчающие обстоятельства) и т. д. Влияние обычая на формирующуюся систему проявляется, прежде всего, в сохранении (пусть и с существенными ограничениями) таких архаических процедур, как кровная месть, круговая порука, «дикая вера» и участие в процессе так называемых послухов – соприсяжников. Что касается судебной практики князей, Русская Правда содержит значительное число статей, нормы которых направлены на решение вполне конкретных задач, поставленных властью (борьба с «разбойными людьми», установление пошлин и сборов и т. п.). Следует заметить, что особенно заметное влияние норм обычного права имело место в области организации суда и судебного процесса («заклич свод», ордалии и пр.).

На этом этапе развития правовой культуры законодатель еще не использует такого понятия, как «государство», и все регулируемые кодексом отношения строятся между индивидуальными физическими лицами (в отдельных случаях субъектом правоотношения выступает община, но не как единое целое, персонифицированный субъект, а как объединение, сумма отдельных личностей). Этим, по-видимому, объясняется и отсутствие в кодификации раздела о государственных преступлениях.

Церковное влияние, которое несомненно имело здесь место, выразилось также в том обстоятельстве, что авторы Русской Правды (как и митрополит Илларион, трактат которого

подготавливался одновременно с подготовкой первой (краткой) редакции Русской Правды) категорически выступают как против обычая кровной мести, так и против смертной казни (которая также не упоминается в тексте кодификации).

Русская Правда оставалась основным источником права вплоть до конца XV в. Столь стабильное положение кодекса было обусловлено как довольно статичным состоянием общественных и правовых отношений в феодальном обществе, так и «органическим» характером его основы, которую составляли обычай и рутинная судебная практика, не превратившаяся, однако, в прецедентную систему, как это случилось в средневековой Англии. Ни монгольские завоевания (монголы стояли на более низкой ступени культурного развития по сравнению с Русью, и Яса Чингиз-хана, этот основной юридический источник монгольской империи, почти не оказал никакого влияния на правовую культуру Руси), ни процессы феодальной раздробленности, разделившие Киевскую Русь на ряд независимых княжеств, воспринявших ее политические и правовые принципы, не смогли поколебать генеральной линии развития русской правовой культуры: традиция и правовой обычай продолжали играть в ней все еще весьма важную роль, а этико-религиозные принципы православия – составлять духовную основу этой культуры. (На западе, в Галицко-Волынском княжестве, существенную трансформацию правовой культуры и ее приобщение к системе римского права вызвали, прежде всего, процессы политико-религиозного порядка: наступление католичества с его особыми концепциями правового порядка и синтеза (униатства) древней православной культуры с этими иноземными сильными и четко артикулированными элементами правопонимания.)

Северо-Западная Русь (Новгород) экономически и политически оказалась под сильным влиянием европейских государств и европейской культуры. Именно здесь непосредственным образом (а не опосредованно через литовское законодательство, как на юго-западе) европейское (римское) право стало определять развитие национальной правовой культуры, оттесняя на задний план национальную правовую традицию и обычай. В Новгородской и Псковской судебных грамотах (XV в.) появляются правовые институты и категории, прежде неизвестные русскому правосознанию. Естественно, что наиболее разработанными в этих кодификациях оказываются разделы гражданского права (появление новых видов договоров, формальных условий их действительности и исполнения и т. п.). Подобный формализм западнорусского права мог свидетельствовать как о росте юридической техники и юридической культуры, так и о разрыве с прежней традицией.

Эта грамота выписана на грамоты великого князя Александра и из грамоты князя Константина и из всех приписанных (к ним) псковских обычаев, по благословению своих отцов, попов всех пяти соборов и иеромонахов и дьяконов и священников и всего духовенства, всем Псковом на вече.

Псковская судебная грамота

58. На суде присутствие лиц, помогающих сторонам вести процесс, не допускается; в помещении суда допускаются только тяжущиеся; ни одной из сторон не (следует) выставить за себя ходатаев, кроме женичины, подростка, монаха или монахини, очень старого или глухого человека, вместо которых (могут) выступать в суде ходатаи; если же кто-нибудь станет кому-нибудь помогать (в суде), за исключением вышеупомянутых лиц, или попытается с применением насилия ворваться в помещение суда, или ударить придверника, то такого (человека следует) заключить в колодки и взыскать с него рубль в пользу князя и 10 денег в пользу придверника.

Псковская судебная грамота

Вошедшие в состав Великого княжества литовского южно-русские земли (киевские, черниговские, полоцкие, галицкие и волынские) под сильным влиянием литовско-польской политической и правовой культуры восприняли новые для них принципы и концепции. Важным приобретением стало введение здесь начал городского (Магдебургского) права. Именно города становятся сосредоточием правовой культуры, поскольку такая, искусственно созданная в целях регламентации специфической по своему характеру городской хозяйственной и политической жизни, правовая система была весьма далека от древних этических и культурных традиций. Более того, городское право по своей сути оказывалось космополитичным и готовым к восприятию любых подходящих для него влияний. Развитие ремесла и торговли требовали более гибких и демократических правовых регуляторов, чем это имело место в аграрных культурах (с этим обстоятельством связан и тот факт, что в купеческом Новгороде демократический институт – вече, выборные должностные лица, корпорации – столь долго сохранял свое заметное политическое влияние).

В то же время на северо-востоке Руси начинает быстро формироваться новое государственное образование иного типа – Ростово-Суздальское, а затем и Московское великое княжество. Географические особенности этого региона (рассеченная местность, обилие судоходных рек), который практически подвергся «колонизации» за счет интенсивной миграции населения с юго-запада и с юго-востока (под давлением как монголов, так и католических держав-соседей), способствовали сохранению в политической и правовой культуре этих княжеств прежних государственных принципов, унаследованных от Киевской Руси (именно в этом регионе Русская Правда в сокращенном варианте продолжала действовать до конца XV в.). С конца XIV в. политические центры этого региона становятся также духовно-церковными центрами всей раздробленной Руси. Проводя гибкую политику как по отношению к монголам, так и соседним русским княжествам, руководители Московского княжества сумели добиться военного, политического и идейного перевеса над своими конкурентами (Тверью, Рязанью). Все это давало повод московским князьям ставить перед собой амбициозную цель объединения всех русских земель вокруг Москвы. В плане этико-правовом они стали рассматривать закон уже не как божественное и благодатное поручительство, а как секуляризованный элемент в собственной государственной политике. Понятие «правда» исчезает с юридического горизонта, оставаясь только моральным критерием истины, закон же становится инструментом государственного властвования.

2. Право национальной монархии (XV–XVII вв.)

Время требовало новых форм политической и правовой организации. Обычай был заменен государственной волей, способной принимать различные юридические формы. В конце XV в. (1497 г.) появляется первый великокняжеский судебник. Само наименование этого сборника норм указывает на перенос акцента с понятия «правда», представляемого как критерий истины и этическая основа, на понятие «суд». Главным становится не поиск истины или соблюдение обычая (его синонимом и могла быть «правда»), а правильно, т. е. по правилам, сформированная процедура суда (суждения, разбирательства). Формально выдержанная процедура представлялась более ценной и значимой, чем интуитивно улавливаемая или ритуально выведенная правда.

По самой сути форма судебника и цели, которые преследовал при его создании законодатель, значительно отличались от архаической формы «правды». Теперь законодатель главное внимание обращал на регламентацию судебной организации и процедуры, а не на поиск правды-истины. Государственный интерес проявляется во всем: в нормах, защищающих власть и порядок управления (каких не было в Русской Правде), в тщательном перечислении разнообразных судебных пошлин и платежей, в ведении сугубо «полицейских» норм обличования и способов получения признания от подсудимого. Установленное Судебником 1497 г. правило о Юрьевом дне предусматривало регламентацию экономических (уплата пожилого), административных (сроки перехода, сроки поиска беглых или «урочные годы») и уголовно-правовых аспектов решения вопроса. Укрепляющаяся великокняжеская власть брала под контроль местные суды и администрацию («кормленщиков»). Древние законотворческие и судебные функции народных (городских) собраний уходили в прошлое. Центром политической, административно-правовой и судебной деятельности становился великокняжеский двор. Племенные и родовые порядки уступали свое место институтам национальной (великорусской) государственности. Право приобретало специфически национальные черты (ассимилируя при этом многие элементы иностранного законодательства – византийского, литовского, германского, – приемлемые для нового правового порядка). Обычай уходил на задний план, на передний выступало княжеское законодательство.

Изменились и сами задачи правосудия. С бухгалтерской точностью в первых статьях Судебника расписываются многочисленные сборы, пошлины и пени, взимаемые судом. Под преступлением Судебник понимает не греховно-преступное деяние или архаическое понятие обиды, нанесенной потерпевшему, а строго формальное нарушение закона – предписания. Судебник почти не считается с обычаем как источником права, оставляя еще место для судебной практики, но в качестве приоритетного источника он подразумевает правовое предписание (закон) и политическую волю правителя (власть).

Государственно-политическая (и территориальная) централизация, сопровождавшая создание Московского царства, отражается в Судебнике, прежде всего, в регламентированной системе организации суда и судопроизводства. Центральные органы власти (царь, Боярская дума, приказы) определяют для периферийных судей весь порядок расследования дел, наиболее важные дела могут рассматриваться вместе с представителями из Москвы («смесные суды»). Судебная процедура вносится на бумагу, процесс предельно формализован и документирован. Целым рядом процедурных моментов обставляются также сделки и договоры (главным образом с недвижимостью, вотчинами и поместьями). В уголовном процессе преобладает розыск, жесткое ведение дела с применением силовых методов и пытки: главная цель – получить признание от подсудимого. Перспектива смертной казни и жестоких наказаний должна была побудить к такому признанию. Долгие годы монгольского ига не прошли даром: в правовую культуру Руси вторгаются, как кажется, сугубо восточные методы суда и наказания с их

совершенно бездушным отношением к человеку. Состязательность, спор в суде, где еще можно было установить истину, ссылки на традицию и обычай уже не действуют. Царское повеление, указ, воля – основные источники правосудия.

1. Суд осуществляется боярами и окольными в присутствии дьяков. Судьям запрещается брать за производство суда и ходатайств взятки, а также решать дело несправедливо из-за мести или дружбы со стороны.

2. Судья обязан принять всех обратившихся к нему истцов, разобрать дело, если оно не превышает компетенции данного судьи. Если дело не подсудно данному судье, он должен доложить об этом великому князю или послать истца к тому судье, в компетенцию которого входит разбор данного дела.

3. Со стороны, признанной судом виновной, взыскивается боярином и дьяком судебная пошлина: боярину 2 алтына, дьяку 8 денег, если цена иска в деле равна рублю. <...>

38. При осуществлении суда боярами или детьми боярскими, пользующимися правом решать наиболее важные дела, должны присутствовать представители местной администрации (дворецкий, староста) и верхушки посадских людей и черных крестьян («лучшие люди»). Без этих лиц не могут осуществлять суд и наместник и волостель. Наместникам, волостелям, их тиунам и людям, сборщикам пошлин, запрещается за производство суда брать взятки для себя или своего господина.

Судебник 1497 г.

В отношении низших классов применялись меры как экономического, так и внеэкономического принуждения: законодательно установленный порядок Юрьева дня положил начало процессу закрепощения крестьянства, формируя тем самым новую экономическую основу для развивающейся феодальной системы.

О переходе крестьян. Крестьянам разрешается переходить из волости в волость, из села в село лишь в течение недели после осеннего Юрьева дня. За пользование двором крестьяне платят в степной полосе рубль, а в лесной – полтину. Если крестьянин проживет у господ год, то при уходе он платит четверть стоимости двора, если два года – половину стоимости двора, три года – три четверти, а за четыре года он уплачивает стоимость всего двора.

Судебник 1497 г.

Образовавшееся в конце XV – начале XVI вв. Московское централизованное государство рассматривало себя как преемника Византии, т. е. Восточной римской империи: отсюда была воспринята государственная символика, а также многие принципы и приемы государственного управления. Идеологической концепцией преемственности стала идея «Москва – третий Рим», обосновывающая кроме прочего принцип самодержавной власти московского царя. Священная символика и торжественная атрибутика должны были придать его образу внеземной, почти сверхъестественный характер.

Властитель не должен ни зверствовать, ни бессловно смиряться. (...) Апостол сказал: «К одним будьте милостивы, отличая их, других же страхом спасайте, исторгая из огня».

Царь не страшен для дел благих, а для зла. Хочешь не бояться власти, так делай добро, а если делаешь зло – бойся, ибо царь не напрасно меч носит – для устрашения злодеев и одобрения добродетельных.

Священническая же власть требует строгих запретов словом за вину и зло..; царской же власти полезно действовать страхом и запрещением, и обузданием, и строжайшие обуздывать безумие злейших и коварных людей.

Иван Грозный

В механизме самодержавного правления царские указы, грамоты, распоряжения приобретают значение актов, требующих беспрекословного исполнения. Царский двор (не Боярская дума, не Соборы) становится центром власти и государственного управления. Для решения своих политических задач власть прибегала к чрезвычайным мерам (опричнина).

Старого Рима церкви пали в результате распространения аполлинариевой ереси, а второго Рима – града Константинополя церкви погубили турки, которые секирами и аскордами посекали двери храмов. В Твоем же державном царстве – нового третьего Рима, Святая, Соборная Апостольская церковь во всех концах вселенной в православной христианской вере во всей поднебесной паче солнца светится.

Отец Филарет

Они же, вельможи его, благоверного царя Константина, наполнившие свои казны великим богатством и почали мыслить о войне царском и рекли так себе: «Царь наш будет воин на возрасте лет своих, яко об нем пишут философии во многих странах, сядет на конь свой и возьмет меч свой в руку свою и будет добрый пастырь вере христианской и будет неверных к вере приводить, и веру христианску умножать, и славу божию возвышать, и паче Александра Македонского меча из рук не выпустити и с коня не сседати.

Иван Пересветов

С середины XVI до середины XVII вв. в России (ставшей в это время многонациональным государственным образованием) действуют органы, имеющие определенно представительный характер, – Земские соборы. Представители от разных сословий, участвующие в соборах, доводили до сведения власти свои требования и пожелания в форме соборных наказов. Это была новая форма взаимоотношений с властью, появление которой свидетельствовало об усложнении самой структуры российской правовой культуры.

В ситуации политической конфронтации (Смутное время) Соборы решали один из важнейших вопросов государственного строительства – выборы государя. В ряде случаев боярская олигархия, опирающаяся на формальные постановления соборов, пыталась сформировать целую систему ограничений для верховной власти, внести элементы «конституционного» правления (политика так называемой семибоярщины).

Самодержавная идея превращения всех сословий в служебные и подчиненные царской власти не могла быть реализована в полной мере. Все еще значительной экономической и политической силой обладала феодальная аристократия («княжата»). Церковные иерархи располагали значительными имущественными ценностями и землями, попытки их изъятия и ограничения, предпринятые в конце XVI в., не дали заметных результатов. «Освященный собор» (собрание высших иерархов церкви) играл важнейшую роль в структуре и работе Земских соборов. По-настоящему «служилым» оказывалось только дворянство, пестрое по своему

составу, вечно нуждавшееся в денежных и земельных выделах из казны и конкурирующее с боярской аристократией.

Самодержавной власти приходилось непрерывно гасить конфликты, возникающие между сословиями, и в ходе этого процесса самодержавие укрепляло собственную власть, олицетворяемую в персоне государя-самодержца.

Так же и там, где множится и ширится зло человеческое, где нет единодушия начальников с подданными, все приходит к тому, что все царство переполняется злом и грехами человеческими, за которые карает Бог.

Во всяком государстве властителям и начальникам подобает жить честно и праведно, чтобы являлись они образцом всех добродетелей, ибо каков будет царь, таковы же, глядя на него будут и подданные его. Как говорится в народной притче: каков купец или торговый человек, таков и его товар.

Если грехами и иными неподобающими делами и жестокостью государей и начальников оскверняемо и развращаемо бывает государство, то, напротив, добродетель укрепляется смирением и милосердием их, ибо добрый нрав государя укрепляет подданных его.

О причинах гибели царств

В XVII в. правовая культура России приобретает определенные черты сословной культуры. В годы опричнины и Смуты на первый план в политической борьбе стремится выйти поместное дворянство, декларирующее ряд своих требований, важнейшими из которых являются изменение правового статуса поместного землевладения (введение наследственного порядка, приравнивания его к вотчине) и принятие правовых мер для прикрепления крестьян к земле и запрета их свободного перехода (этот процесс начался еще введением правила о Юрьевом дне в 1497 г.). Составляя реальную политическую силу (в госаппарате и войске) дворянство имело шансы на достижение поставленных целей.

Рост городов, отмеченный в XVI–XVII вв., привел также к политическому усилению их патрициата, верхушки посадского населения (купцов, промысловиков, служилых людей). О социальной активности городского населения в XVII в. свидетельствует целый ряд конфликтных ситуаций, связанных с неадекватной политикой государства в городах («медный», «соляной», «хлебный» бунты). Серьезной проблемой для горожан был вопрос о так называемых белых слободах, недвижимости, расположенной в черте города, принадлежащей светским или духовным феодалам (крупным вельможам, митрополиту и т. д.) и освобожденной от уплаты государственного налога (тягла). Требование о ликвидации таких слобод было удовлетворено Собором.

Значение первого Земского собора в Москве должно рассматриваться с двух сторон. С одной стороны, собор был найденной формой непосредственных отношений царя к Русской земле. (...) Первый Земский собор в Москве дал царю необходимую опору для развития своей власти, такую опору, на которой царская власть могла держаться твердо – без опасения от каких-либо притязаний; ибо после собора за нее уже явно стояла воля всей Русской земли, заявившая себя на Соборе на стороне царской власти (...).

Профессор И. Д. Беляев

Политика опричнины нанесла серьезный удар по феодальной аристократии, но в ситуации Смуты (1605–1612) боярская олигархия вновь смогла укрепить свои политические позиции. Однако после установления относительной стабилизации при выборе царя из новой

династии Романовых (1613) аристократы были вынуждены учитывать мнение представителей других сословий: дворянства, купечества и горожан.

В 1550 г. был принят новый (Царский) Судебник, положения которого закрепляли систему самодержавного правления. Почти одновременно с ним принимается «Стоглав», свод установлений церковного собора, регламентирующих статус, компетенцию и деятельность церковных учреждений и духовных лиц. Идеологическая значимость церкви и ее иерархов после введения в России патриаршества (1589) значительно возросла, что проявилось, в частности, в той роли, которую она сыграла в преодолении Смуты. Вместе с тем, экономическому положению церкви был нанесен существенный урон: целым рядом соборных постановлений резко сокращалось число источников, из которых церковь черпала свое благосостояние (запреты завещать землю монастырям, дарить Церкви недвижимость и пр.). Неожиданным образом идеология так называемых нестяжателей, требующих от Церкви имущественной аскезы, отказа от имущественных благ, была использована государством, заинтересованным в ограничении экономической мощи монастырей и иерархов.

Разделение русского общества на сословия, каждое из которых обладало собственным правовым статусом и собственной юрисдикцией, прежде всего, способствовало дальнейшему укреплению самодержавной власти. Земские соборы перестают созываться уже в середине XVII в. (их заменили сословные совещания, созываемые монархом для обсуждения конкретных задач). Опричнина, Ливонская война и Смута существенно подорвали экономику страны. В это время встает актуальная задача по закреплению рабочих рук за землей (т. е. крепостного права), ремесленников – за посадами, задача максимально полного учета всех трудовых и финансовых ресурсов. Достигшая, казалось бы, своего предела централизация управления (приказно-воеводская система) позволяла решать эти задачи достаточно эффективно.

Соборное уложение 1649 г., принятое в условиях существования сословно-представительной монархии, по своей сути является документом уже следующей эпохи – эпохи монархии абсолютной. Нормы Уложения самым тщательным образом оберегают верховную власть от любых посягательств (даже голого умысла), политические преступления наказываются самым жестоким образом (смертная казнь в Уложении устанавливается более чем в 60 случаях). Православный и мессианский характер самодержавного царства остается неизменным, смещаются, однако, приоритеты: в «симфоническом» соединении Церкви и государства первая теперь оказывается под властным и правовым покровительством второго.

Впервые в правовой истории России церковные дела и преступления против Церкви оказываются в юрисдикции государства. Прежде пронизанная теологическими и сакральными элементами русская правовая культура приобретает теперь скорее этатистские, государственно-властные черты.

1. Суд государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси судить бояром и околничим, и думным людем, и дьяком, и всяким приказным людем, и судьям, и всякая росправа делать всем людем Московского государства от большего и до меньшаго чину въправду. Такъже и приезжих иноземцев и всяких прибылых людей, которые в Московском государстве будут, тем же судом судить и росправа делать по государеву указу въправду, а своим вымыслом в судных делах по дружбе и не по дружбе ничего не прибавлявати ни убавлявати, и ни в чем другу не дружить, а недругу не мѣстити, и никому ни в чем ни для чего не норовить, делать всякие государевы дела не стыдяся лица сильных, и избавляти обидящаго от руки неправедного.

Соборное уложение 1649 г.

Самодержавие предполагает реализацию идеи служебного характера всех без исключения сословий. Наиболее последовательно этот принцип мог быть применен к поместному дво-

рянству, своим экономическим положением обязанного государственной службе. Что касается городского, посадского населения, его отношения с государством сводились преимущественно к уплате налогов, податей и выполнению некоторых повинностей. Однако Соборное уложение вопреки всем экономическим принципам, предполагающим расцвет ремесла и торговли в свободе перемещения рабочих рук и капиталов, пошло по пути, подсказанному исключительно интересами фиска. Закон запретил свободное перемещение купцов и ремесленников из одного посада в другой, имея в виду их стабильное нахождение в фиксированном месте, где налоговый надзор легче всего может их обнаружить. Заодно в систему посадского тягла были включены и «белые» слободы. Максимальный сбор налогов и податей становился в городе приоритетной целью государства.

Развивающаяся экономика требовала все больших вложений и отдачи труда. Закрепощение крестьян становилось неотложным делом. Целым рядом предварительных актов (правило Юрьего дня, установление «заповедных» и «урочных» лет, переписи крестьянского населения, система кабальных договоров) законодатель подготовил этот завершающий этап. Соборное уложение единым решением (отмена «урочных» лет и бессрочный возврат беглых) вводит систему так называемого крепостного права. Крестьяне прикрепляются к земле как часть производительных сил, которые не могут быть от нее отделены. Государственное хозяйство (включающее в себя помещичьи, вотчинные, дворцовые и т. д. земли) тем самым сформировало мощный «производственный комплекс», который будет действовать на протяжении более чем 200 лет. (Следует заметить, что прикрепление рассматривалось поначалу как мера временная и что тотальное прикрепление стало результатом массовых, уже имевших место, кабальных договоров крестьян с их господами о закреплении.) Такая система позволила сделать первый шаг к юридическому сближению вотчины и поместья (был разрешен их обмен независимо от разного характера этих форм землевладения и способа их возникновения), т. е. дальнейшей консолидации правящих сословий.

Присоединенные к России в середине XVII в. земли (Украина), прежде находившиеся в правовом поле Речи Посполитой, добавили к правовой системе и культуре страны целый ряд институтов и норм, прежде им неизвестных. Сюда относились элементы городского (Магдебургского) права, демократические институты казачьего правопорядка, правовые традиции, заимствованные из западноевропейского права. Составители Соборного уложения 1649 г. в преамбуле прямо ссылались на заимствования из иноземного (византийско-римского, польско-литовского и др.) права. Российская правовая культура обогащалась за счет заимствования иностранной судебной практики и правовых обычаев. (Определенную роль проводников этой традиции сыграли иммигранты из Европы, где в начале века разыгралась Тридцатилетняя война, которые сформировали в Москве целую немецкую слободу.) Сама структура и юридический язык Уложения отмечены новыми влияниями: здесь прослеживается тенденция к выделению отдельных отраслей права (судебного, уголовного, административного, гражданского и т. п.); влияние литовских статутов, где уже были подробно разработаны многие нормы вещного и обязательственного права (например, сервитуты); прямые заимствования из византийского и европейского канонического права в разделе о преступлениях против Церкви.

Вместе с тем, восточные регионы страны, присоединившиеся еще в XVI в. (Казань, Астрахань, Сибирь), в основном оставались в сфере действия своих традиционных систем права, в значительной мере основанных на обычае и традициях. Тем самым российская правовая культура в виде такого «плюрализма» уже утверждала имперский принцип «множественности в единстве».

Соборное уложение стало кодификацией, предполагавшей охватить своим регулированием все стороны общественной жизни. Закон в качестве проявления государственной воли был призван стать универсальным регулятором. Его основными источниками были указы государя, решения Боярской думы и постановления Земского собора. При этом как инициатива

издания закона, так и последняя санкция, несомненно принадлежали верховной власти в лице царя (хотя выбор персоны самого царя мог находиться в компетенции Земского собора). Обычай почти исчез из юридической практики, сама же эта (судебная, земская) практика стала подвергаться специфической кодификации в форме обобщений в указных книгах приказов. Становилось очевидным, что главным источником права теперь является «закон» в его самом широком понимании.

Где законы хорошие – там и подданные довольны, и чужеземцы хотят туда прийти. А где законы жестокие – там свои собственные подданные жаждут перемены правления и часто изменяют, если могут, а чужеземцы боятся приходить. О, государь, управляй людьми так, чтобы они не хотели перемен. <...>

Праведная королевская власть превращается в тиранство не столько из-за лютого мучительства, сколько из-за грабительских законов. Ибо какой-либо король может быть тираном и без грабительских законов, но государственный строй будет не тиранским, а справедливым правлением. А при грабительских законах не может быть того, чтобы и правление не было тиранским и король не был тираном. То есть если какой-либо король самых богатых людей без (всякой их) вины открыто грабит и самых сильных убивает, но не подрывает благих народных законов, то, хотя сам король – злодей, людодерец и тиран, но государственный строй не изменяется и не становится тиранством, и после смерти этого тирана снова наступит благое правление.

Юрий Крижанич

В области развития юридической техники Соборное уложение пошло значительно дальше судебников. Здесь уже можно говорить об использовании таких приемов, как систематизация, кодификация и инкорпорация правовых норм. Был предусмотрен правовой механизм обновления кодекса. Комиссия князя Оболенского, работавшая над составлением Уложения, тщательным образом изучала европейские техники кодификационных работ и была готова сформулировать определенные теоретико-правовые основания для обоснования своих практических решений. Наказы депутатов стали также одним из важнейших источников Уложения.

Однако стратегической ошибкой составителей Уложения стало их стремление включить все возможные ситуации и отношения в единую систему регуляторов, в единый кодекс, единый правовой акт – Уложение. Реальная жизнь очень быстро показала недостижимость такой цели. Уже через десять – двадцать лет нормы Уложения стали дополняться так называемыми новоуказными статьями, ближе стоящими к действительности и текущей практике, статьями Новоторгового устава и большим количеством конкретных царских указов.

3. Абсолютизм: регламентация и кодификация (XVIII в.)

Фундаментальные особенности российского абсолютизма (тот факт, что он возникает в период наибольшего развития крепостного права и что его социальной базой является исключительно крепостническое дворянство) не могли не сказаться и на особенностях российской правовой культуры XVIII столетия. Тотальное вмешательство государства во все области общественной и даже личной жизни (указания на то, какие платья носить, когда гасить свет в доме, какие танцы танцевать на ассамблеях и т. п.) породило в правовой культуре специфический этатизм. Для «полицейского» государства первой четверти XVIII в. было характерным не только тщательная административная регламентация всех сторон жизни и порядка в целом, но и подробное правовое регламентирование хозяйственной и партикулярной деятельности. Наряду с монополиями в экономике (государственные мануфактуры и заводы) государство формировало три главных сферы своего существования: сильную армию, разветвленную и всепронизывающую налоговую систему и огромный бюрократический аппарат управления и контроля.

В начале века ситуацию усугубляла долгая Северная война. Целый ряд административных инстанций приобрел вполне военную форму («полковые дворы»), юрисдикция военных судов распространялась на гражданских лиц, нормы военного законодательства (Воинские артикулы 1715 г.) применялись к гражданским лицам независимо от того факта, что Соборное уложение 1649 г. оставалось действующим сводом.

Самодержавная монархия приняла форму империи, обзаведясь целым набором заимствованных из европейской политической и правовой практики институтов и порядков. У страны, с которой Россия воевала, она заимствовала такие институты и органы, как Сенат и коллегия, у присоединенных к ней новых территорий (ставших Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерниями) Россия позаимствовала опыт и модели работы органов местного управления.

Абсолютная монархия предполагала почти полную сакрализацию персоны монарха. В его руках сосредоточивались все нити власти и управления. Им регламентировался статус и правоспособность всех сословий.

Царь судия и подобен он Богу. Того бо ради и всякой вещи за имя царское от мирских нельзя быть неотменной, ибо в суде у царя, яко у Бога, нет лица ни богатцу, ни убогу, ни силу, ни маломочну, всем суд един, и то стал быть суд Божий. И аще денежное дело серебряных и медных денег обновитца, к тому ж и таможенные зборы и питейная продажа изменитца, то, я чаю, что на самую малую цену миллиона по три и по четыре на год сверх нынешних настоящих зборов приходить будет.

Бог правда, правду он и любит. И тот кто захочет Богу угодити, то подобает ему во всяком деле правда творити. Наипаче всех чинов надлежит судьям правда хранить не токмо в одних делах, но и в словах лживо ничего не говорити, но что прилично к правде, то и говорить, а лживых слов судья никогда б не говорил.

Понеже судья судит именем царским, а суд именуется Божий, того ради всяческие судье подобает ни о чом тако не стараяся, яко о правде, дабы ни Бога, ни царя не прогневити.

Наш государь, подобен Богу, еже возхощет, может сотворити и казну свою может со излишеством наполнити и никакая нужда денежная коснутися его не может.

Иван Посошков

Самодержавная идея служебного характера всех сословий абсолютизмом была воплощена в жизнь. «Табель о рангах» (1722) не только упразднила окончательно принцип местничества, ставивший на первый план критерий знатности и родовитости, но и закрепила универсальный принцип выслуги. Любой вид службы (военной или гражданской) определялся как одинаково почетный и обязательный, и все дворяне были обязаны такой службой. Установившаяся система рангов (чинов) требовала от любого кандидата на занятие должности прохождения всех предыдущих рангов (всего 14). Достижение на служебной лестнице определенного ранга могло превратить простолюдина в дворянина – личного или потомственного, передающего свой титул по наследству; т. е. такая система стала источником для пополнения дворянского сословия как целого.

Если учитывать тот факт, что другой базовый документ эпохи (Указ о единонаследии 1714 г.) послужил делу унифицирования экономического положения различных феодальных групп (вотчинников и помещиков), установив единую форму дворянского землевладения, определив ее как «недвижимость», то процесс экономико-политической консолидации дворянского сословия к этому времени был в целом завершен. Дворянство превратилось в господствующую социальную группу, диктующую всему обществу свои культурные, политические и правовые ценности и представления. В дальнейшем оно постарается избавиться и от некоторых стесняющих его обязательств (таких как обязательная воинская служба), еще более расширив свои права и монополии (такие как монопольное владение землей и крепостными). Соответственно вся правовая система абсолютистского государства принимала определенно сословный дворянский характер, а XVIII век стал веком дворянской культуры как таковой.

Так в начале монархии избирательной каковая была воля народная сими словами изобразить можем: согласно все хотим, глаголит народ к монарху первому, да ты владей нами к общей пользе донележе жив пребываешь, и мы все совлекаемся своле нашей и тебе повинujemyся, не оставляй нам себе самим никакой свободности к общим определениям, но только до смерти твоей, по твоей же смерти будет наки при нас воля наша, кому высочайшая над нами власть отдадим по усмотрению достоинства и по нашим согласиям. В монархии же наследной таковая была к первому монарху воля народная, аще и не словом но делом изъявленная. Согласно всем хотящим, да ты к общей нашей пользе владеешь над нами вечно, т. е. понеже смертен еси, то да по тебе ты же сам вперед доставляешь на наследного владельца, мы же единыжды воли нашей совлекшейся, никогда же оной впредь ниже по смерти твоей употреблять не будем, но как тебе так и наследникам твоим по тебе повиноваться клятвенным обещанием одолжаемся и наших по нас наследников тем же долженством обязуем. Таково же толк воли народной наследуемой Монархии нетокмо от вида самой Монархии утверждается (яковая бо где Монархия есть, таковой себе сперва похотел народ), но и потому известен есть, что когда народ монархом наследным клятву свою для некой важной вины обновляет, не иных употребляет слов, только вышеизложенных или им подобных и равносильных к изъявлению клятвенного своего обещания. Ведать же подобает, что народная воля как в избирательной, так и в наследной монархии, и в прочих правительствах образах бывает не без собственного усмотрения Божия (как осем и выше упомянута), но Божиим мановением движима действует, понеже ясно учит священной писание, яко же выше сего довольно мы видели, что нет власть аще не от Бога.

Феофан Прокопович

Абсолютистское полновластие захватило прежде независимо существовавшую среду церковной жизни. Подчинение церкви государству началось еще в XVII в. (Соборное уложение включило в систему светской кодификации все виды преступлений против церкви, резко сузив тем самым юрисдикцию этой последней.) Создание Синода и Духовного регламента (1721) подготовили почву для полного подчинения церкви государству и процессам секуляризации церковных имуществ. Глава государства (император) становился главой Церкви.

Коллегиум правительское не что есть, токмо правительское собрание, когда дела некие собственные не единому лицу, но многим, к тому угодным и от высочайшей власти учрежденным подлежат ко управлению. Да не возмнит же кто, что сие управление не угодно есть, и лучше бы единому лицу дела духовные всего общества править, якоже частных стран, или епархий дела управляют кийждо особ епископы. Предлагаются зде важные вины, которые показывают, что сие правление соборное всегдашнее, и аки всегдашний синод или синагедрион, совершеннейший есть и лучший, нежели единоличное правительство, наипаче же в государстве монаршеском, яковое есть наше Российское.

Феофан Прокопович

Стремление к регламентации ярче всего выразилось в принятии одноименных документов – Генерального регламента и регламентов центральных органов управления (Сената, коллегий). Характерное для абсолютистской идеологии обстоятельное разделение пространства властвования и управления, формирование стройной иерархической системы чинов требовали также самого подробного распределения управленческих и иных обязанностей и функций. Регламенты ставили перед собой именно такую цель. Они стали документальной формой процесса правового оформления государственной бюрократии. Некоторые демократические процедуры, которые законодатель пытался ввести в работу государственных органов (коллективное обсуждение вопросов в коллегиях, коллегиальный состав судебных заседаний и пр.) не могли изменить общего характера бюрократического управления и суда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.